

Независимая - 2006 - 22 июня - с. 10

«Новая драма» помогает пенсионерам

Елена Невежина поставила в Новосибирске пьесу Вячеслава Дурненкова «Mutter»

Григорий Заславский

Новосибирский театр «Глобус» дал Москве нынешнего гендиректора «Золотой маски» Марину Ревякину, а пока она возглавляла «Глобус», там работали Валерий Фокин, Борис Морозов, Фильштинский, Галибин. Но и после ее ухода театр остается одним из главных поставщиков качественной и, что важно, неординарной театральной продукции. Под занавес нынешнего сезона московский режиссер Елена Невежина поставила в «Глобусе» пьесу Вячеслава Дурненкова «Mutter».

Эта история – о стариках, доживающих свой век в богадельне. Несколько неожиданный выбор для одного из видных представителей «новой драмы», хотя сам Вячеслав Дурненков сказал однажды, что старики и дети – его тема. Героев четверо, двое мужчин и две женщины, старики – не очень старые, старухи – тоже еще ничего. Напротив: стареющие мужчины всячески подчеркивают свое мужество, пользуясь случаем, проявляют галантность и прочие знаки мужского внимания. Такая пьеса, как всегда, хороший повод дать роли заслуженным и народным, которые без труда сумеют выжать слезу даже из самых скупых глаз. Особенно, конечно, если в финале кто-то из героев уходит в мир иной (именно так заканчивается «Mutter»). Впрочем, пьеса Дурненкова несколько отличается от уже известных публике историй вроде «Квартета» Когоута или «Соло для часов с боем» Заградника. Пусть не смутит читателя немецкое слово в названии – герои «Mutter» живут в России, в наши дни, а главное – они не просто пенсионеры, они еще немного пришельцы из космоса. Или – что-то в этом роде, во всяком случае, прежде чем расстаться со своей подругой, герои пьесы выходят в какую-то пока неведомую большинству землян космическую «сеть» и делятся с нами кое-какой информацией. И

смерть – уже не смерть, а просто возвращение на, как писали прежде, заданную орбиту.

Роли стариков, как и положено, Невежина распределила среди лучших актеров труппы «Глобуса» («их» заслуженные – все равно что «наши» народные) плюс сама еще ввела в спектакль двух бессловесных героев, которые являются на сцену, как только «Rammstein» начинает в очередной раз орать что есть мочи: «Мама! О, дай мне силы! Мама! Мама! Так дай мне силы!!!», но, естественно, по-немецки: «Mutter... Mutter! Mutter?

визит потенциальных спонсоров и необходимость приготовить к их приезду номер художественной самодеятельности. Седьмая палата, по словам бывшего юриста Кузьмина (Юрий Соломеин), разучивает злободневные куплеты: «Английский ящур переполз границу, кто любит Родину – не ешьте пиццу». А тут товарищ, Прищеп (Александр Варравин) вытаскивает из закров пьесу собственного сочинения под названием «Бельгийский часовой», какую-то белиберду с алхимиком, проституткой, часовым и ангелом...

Старики и дети становятся главной темой «новой драмы»

Muuuuuuutteeeeeeeeeeeeeeer!!!» Две девочки «родились» из рассказа одной из «престарелых» про давно умершего сына, про то, как однажды сказал ей, что смерть похожа не на скелет, «смерть – это девочки две, близнецы в школьной форме, ходят, за руки держатся». Две девочки-школьницы, в белых фартучках, с обведенными темными крутами глазами, этакий домашний образ смерти «в коротких штанишках», на негнущихся ногах, точно куклы, они проходят через всю сцену и – без слов – покидают ее. Типа – memento more... А кассеты с «Рамштайном» и прочим «тяжелым рэпом с матом» приносят в богадельню сын другой героини, бывшей уборщицы (Людмила Трошина), судя по короткому его появлению, – бандит и негодяй, член организованной преступной группы. Пока живой, но, судя по короткому обмену репликами (мать забавно «сканирует» криминальный сыновний жаргон), жизнь его висит на волоске.

Впрочем, этот сюжет так и остается на обочине, на первом плане –

Впрочем, пенсионеры находят в этом сочинении и оригинальность, и обаяние. Но главное – смысл.

И тут выясняется, что манеры традиционного психологического театра, усвоенные занятыми в спектакле актерами, как говорится, с младых ногтей, вовсе не противопоставлены «новой драме» (во всяком случае, такой, как у Дурненкова). Смещение пространства, которое происходит ближе к финалу, его внезапное искривление с прониканием в спектакль космической радиации, а за ним – как следствие – и преображение бесполезных стариков в осененных космическим знанием пришельцев, дается им без видимых усилий. Легко. И в этом превращении – прежде невидимый смысл их земного существования, очевидная польза их «прозябания».

Смысл – пожалуй, главное, ради чего трудится Невежина. Базально: смысл жизни, – конечно, в пьесе про стариков без этого нельзя. Но очень важен еще смысл игры, который режиссер ищет и находит.